

PRODUCTION CENTRES OF ETRUSCAN BUCCHERO

S. P. Boriskovskaya

The mapping of these centres is essential for reconstructing the evolution of archaic art in the Etruscan cities and for tracing contacts between these cities and other parts of Italy in antiquity. The author takes up two fundamental aspects of the problem: (1) the centres in Etruria proper to which certain groups of bucchero ware are attributed and (2) the Italian centres under Etruscan influence where bucchero was also produced. In illustration of several points in her discussion the author cites vases from the Hermitage collection. The material analysed represents three basic periods in the evolution of bucchero production. In the early archaic period (second half of the 7th century B. C.) this ware was apparently produced mainly in Caere, but also in Veii, Vulci and Tarquinii. In the same period bucchero with figures in relief was made (as new finds have confirmed) in Caere and also in the North Etruscan cities of Populonia, Vetulonia and Russellae. Study of ceramics and small bronzes from North Etruria shows that the cities of this region played an important role in initiating the orientalizing trend in Etruscan art. In the middle period (first half of the 6th century) the chief production centres of bucchero ware with figures in relief were, besides Clusium (with which it has long been identified), also Orvieto and Tarquinii. Production centres for the vases of heavy bucchero decorated in relief which belong to the late period (second half of the 6th century) was first of all Clusium, but their production in Orvieto and Vulci is also a certainty. As for the regions which had come under Etruscan influence, it can be confidently asserted that bucchero was produced in Etruscan Campania. Among recent finds in Picenum (Abruzzi district) bucchero vases, produced locally, occur in considerable numbers, some attributable to the early period.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПОЛИБИЯ ВДОЛЬ АТЛАНТИЧЕСКИХ БЕРЕГОВ АФРИКИ

Полибий был одним из величайших историков древности, но его можно рассматривать и как одного из крупнейших географов и путешественников античности, и в этом отношении он сравним с Геродотом. Если бы сохранилась XXXIV книга «Истории», посвященная проблемам географии, значение Полибия в этой отрасли античной науки вывилось бы еще рельефнее. Однако и по сохранившимся сведениям можно представить хоть в какой-то степени вклад этого писателя в развитие географических представлений его времени. Знание географических реальностей театра исторических событий было для него чрезвычайно важно, так что география оказывалась немаловажной составной частью истории¹. Среди путешествий Полибия большое внимание исследователей привлекает его африканская экспедиция, предпринятая по поручению Сципиона Эмилиана.

Об этой экспедиции, к сожалению, ничего не говорится в дошедшем до нас тексте «Истории». Некоторые ученые предполагают, что сведения, добытые мореплавателем, были настолько секретны, что хранились в секретных архивах, где и были позднее найдены². Более вероятно, однако, что

¹ F. W. Walbank, *The Geography of Polybius*, «Classica et Mediaevalia», IX (1947), стр. 157.

² P. Schmitt, *Connaissance des Iles Canarias dans l'Antiquité*, «Latomus», XXVII (1968), 2, стр. 375—376.

они были использованы самим автором в утерянной XXXIV книге³. Как бы то ни было, в сохранившихся частях полибийского произведения есть лишь намек на плавание автора по океанским водам: «Мы терпели очень много опасностей (и страданий) в странствиях по Ливии, Иберии и Галатии и во внешних морях, граничащих с этими странами, где, исправляя незнаемое предками, мы сделали известной эллинам и эту часть вселенной» (III, 59, 7—8). Более подробные данные сообщает Плиний (V, 9—10): «В то время, когда Сципион Эмилиан начальствовал в Африке (*Scipione Aemiliano res in Africa gerente*), Полибий, автор анналов, принял от него флот, чтобы узнать эту часть мира, и, объехав ее, сообщил, что от этой горы (т. е. Атласа) на запад — леса, полные зверей, которых порождает Африка, до реки Анатис на 485 миль. Отсюда до Ликса, по словам Агриппы, 205 миль, Ликс от Гадитанского пролива отстоит на 112 миль. Затем залив, который называется Сагиги (в других рукописях Сагути. — Ю. Ц.), город на мысе Мулелаха, река Субуб и Салат, порт Рутубис на расстоянии от Ликса в 213 миль, затем мыс Солнца, порт Риссаддир, гетулы автотелы, река Козен, племена селатиты и масаты, река Масатат, река Дарат, в которой рождаются крокодилы. Потом на 616 миль залив, называемый Суррентийским, закрывается мысом горы Барки, выступающим на запад, после река Сальс, за которой эфиопы перорзы, за спиной которых фарузии, с ними граничат в удалении от моря гетулы дары, а на побережье эфиопы даратиты, река Бамбот с крокодилами и гиппопотами, как он сообщает. Отсюда непрерывные горы вплоть до той, которую мы называем Колесницей богов. Отсюда до Западного мыса десять дней и ночей плавания». И в другом месте (VI, 199): «Полибий передает, что на краю Мавретании против горы Атлас на восемь стадий от суши отстоит Керна».

Суммарность и неясность плиниевского текста вызвала обширную научную дискуссию. Вопросы, вокруг которых ведутся споры, можно свести к следующим: 1) маршрут плавания Полибия (точнее, до какого места Африки добрался его флот), 2) время и 3) цель экспедиции.

Большинство споров возникло вокруг первого вопроса. Одни исследователи полагают, что Полибий добрался только до реки Анатис и города Ликса, т. е. до района, сравнительно недалекого от Геракловых Столбов⁴. Другие полагают, что он доплыл до мыса в северной части современного Рио-де-Оро⁵. Третьи думают, что экспедиция Полибия достигла устья Сенегала и даже Зеленого мыса⁶. Ответ на этот вопрос зависит от предварительного разрешения двух весьма трудных проблем: во-первых, что в пассаже Плиния почерпнуто из произведения Полибия, а что из других источников, в частности у Агриппы, которого он также упоминает; во-вторых, с какими пунктами африканского побережья надо отождествить упоминаемые античным автором. Так как новых материалов нет и практически нет параллельных текстов, то споры хотя и ожесточенны, но бесплодны: несмотря на всю эрудицию и остроумие авторов, почти все предположения остаются столь же гипотетичными, какими они были и столетие на-

³ J. S a r s o r i n o, *Le Maroc antique*, P., 1943, стр. 159; V. H o n i g m a n n, *Libya*, RE, Hlbd. 25, 1926, стб. 173.

⁴ S. G e l l, *Histoire ancienne de l'Afrique du Nord*, III, P., 1928, стр. 391—393; S a r s o r i n o, ук. соч., стр. 159—160.

⁵ P. P é d e s h, *Un texte discuté de Pline: Le voyage de Polybe en Afrique*, REL, XXXIII (1955), стр. 329—332; он же, *La méthode historique de Polybe*, P., 1964, стр. 560 и прим. 264.

⁶ R. T h o u v e n o t, *Le témoignage de Pline sur le périple africain de Polybe*, REL, XXXIV (1956), стр. 91; R. S a r p e n t e r, *Beyond the Pillar of Herakles*, 1966, стр. 102; Р. Х е н н и г, *Неведомые земли*, I, М., 1961, стр. 262; А. Б. Д и т м а р, *Рубежи ойкумены*, М., 1973, стр. 89, 91.

зад, когда писал свой труд М. Вивьен де Сен-Мартен ⁷. Правда, заслуживает внимания соображение А. Б. Дитмара, считающего, что мнение Полибия (ар. Strabo II, 3,2) об обитаемости экваториального пояса могло возникнуть в результате его африканской экспедиции, когда после пустынного сахарского побережья он дошел до зоны саванн в районе Зеленого мыса ⁸. Надо, однако, учитывать, что в древности климат этой части мира был менее сухим, так что зеленая зона могла начинаться севернее, чем в наше время. Это же относится и к местам обитания крокодилов и гиппопотамов ⁹. Изменение африканского климата делает решение вопроса особенно трудным. Поэтому мы ограничимся констатацией бесспорного (или почти бесспорного). Полибий выплыл за Геракловы Столбы и двинулся вдоль африканского побережья. Поскольку Плиний ссылается на Полибия при определении места острова Керны, можно считать, что Полибий его достиг ¹⁰. Многие ученые в последнее время отождествляют этот остров с островом Могадор, где выявлены значительные остатки поселения финикийского и римского времени ¹¹. Во всяком случае, Керна находится южнее Ликса (ср. *Peripl. Hannoni* 8). Дальнейшие уточнения маршрута плавания Полибия пока невозможны.

Не менее противоречивы и взгляды исследователей на дату путешествия Полибия. Предлагаются такие даты: 148 г. до н. э. ¹², 147 г. ¹³, 146 г. после падения Карфагена, но до гибели Коринфа ¹⁴, неопределенное время после 146 г. (возможно, 145 или 144) ¹⁵. Сторонники поздней датировки полагают, что во время войны Сципион не мог отпустить часть своего флота в далекое путешествие, что Полибий, как пишет он сам, присутствовал при осаде и штурме Карфагена, что, видимо, в этом городе до его полного разрушения Сципион Эмилиан и его греческий друг могли увидеть в храме отчет о плавании Ганнона, который и побудил их предпринять экспедицию. Рассмотрим эти доводы. Если говорить о последнем, то надо сказать, что сведениями о «Перипле Ганнона» греки располагали задолго до взятия римлянами Карфагена, в середине IV в. до н. э., как полагают некоторые исследователи ¹⁶: по крайней мере в трактатах анонимного автора (Псевдо-Аристотеля) «О чудесных слухах» и Палефата «О невероятных вещах», относящихся к IV—III вв. до н. э., уже обнаруживается несомненное знакомство с «Периплом» ¹⁷. Так что если Полибий и вдохновлялся примером и текстом карфагенского мореплавателя, он мог узнать о нем задолго до своего прибытия под стены Карфагена. Что касается возможно-

⁷ M. Vivien de Saint-Martin, *Le Nord de l'Afrique dans l'Antiquité grecque et romaine*, P., 1863, стр. 101—102 и табл. на стр. 423.

⁸ Дитмар, ук. соч., стр. 91.

⁹ Хеннинг, ук. соч., стр. 105, 463; A. Berthelot, *L'Afrique Saharienne et Soudanaise*, P., 1927, стр. 89; Pédèche, *La méthode...*, стр. 560, прим. 264.

¹⁰ Мнение Ж. Каркошино (ук. соч., стр. 159 сл.), полагавшего, что Полибий обманул своих римских поручителей и сообщил им об острове, сам до него не добравшись, а в свою очередь был обманут ликситами, в этом заинтересованными, бездоказательно. Он исходил из локализации Керны в устье Рио-де-Оро, но это едва ли верно.

¹¹ Pédèche, *Un texte discuté...*, стр. 322; A. Jodin, *Les établissements du roi Juba II aux Iles Pourpuraires*, Tanger, 1967, стр. 262; Schmitt, ук. соч., стр. 366.

¹² O. Cuntz, *Polybios und seine Werk*, Lpz., 1902, стр. 54.

¹³ Gsell, ук. соч., стр. 390—391; Carcopino, ук. соч., стр. 159; K. Ziegler, *Polybios*, RE, Hlbd. 42, 1962, стб. 1455.

¹⁴ Walbank, ук. соч., стр. 160; он же, *Polybius*, L., 1972, стр. 11; Pédèche, *La méthode...*, стр. 56; Carpentier, ук. соч., стр. 377.

¹⁵ Хеннинг, ук. соч., стр. 262; Schmitt, ук. соч., стр. 377.

¹⁶ Carcopino, ук. соч., стр. 74; И. Ш. Шифман, *Возникновение Карфагенской державы*, стр. 90.

¹⁷ G. Germain, *Qu'est le periple d'Hannon*, «Hesperia», XLIV(1957), стр. 232—233.

сти или невозможности отправки части флота из-под Карфагена, то для весны 146 г. до н. э., когда военные действия вступили в решающую фазу, это, действительно, едва ли мыслимо, но для более раннего времени, если цель плавания была достаточно важной, ничего невозможного в таком шаге нет. Далее, мы знаем, что 146 г. был очень напряженным годом как в истории Рима, так и в жизни самого Полибия. В начале года еще продолжалась осада Карфагена; весной, по-видимому, штурм и ожесточенное уличное сражение решили судьбу города. На Балканском полуострове борьба Ахейского союза против Рима вступила в решающую фазу, чтобы завершиться полным поражением, разрушением Коринфа. Известно, что Полибий присутствовал при гибели и этого города (XXXIX, 5; 5,4; 6,3; 13). После разгрома греков он принял деятельное участие в судьбе побежденных и пытался спасти в Греции все, что можно было спасти (Polyb., XXXIX, 16; Paus., VIII, 30,4; 37,1). Каким был промежуток между разрушением Карфагена и Коринфа, точно неизвестно. Мы знаем лишь, что во время одного из сражений в Греции (вероятно, битва при Скарфее, в которой погиб Критолай) Полибий еще находился в Африке вместе со Сципионом (Polyb., XXXIX, 7, 3). Но, видимо, как только Эмилиан справился со всеми африканскими делами, он отпустил историка. Точно мы не знаем, было ли у Полибия в 146 г. до н. э. время, чтобы совершить океанское путешествие, которое должно было продолжаться не меньше трех месяцев¹⁸, но в любом случае трудно представить, что в тот момент, когда решалась судьба его родины (а Полибий, как мы видели, был в этой судьбе крайне заинтересован), он мог отплыть в противоположном направлении.

Что касается предположения о еще более поздней дате Полибиевой экспедиции, то его сторонники берут на себя обязанность спорить с нашим единственным источником, который ясно говорит, что Сципион Эмилиан, пославший Полибия в плавание, находился в Африке. Однако никаких доказательств ошибочности плиниевской датировки они не приводят. Характерно в этом отношении замечание П. Шмитта: «Дата все же имеет мало значения, важна реальность экспедиции»¹⁹. Но такая позиция нам не представляется приемлемой.

Трудно принять и слишком раннюю датировку. В 148 г. до н. э. Сципион Эмилиан находился под стенами Карфагена в ранге военного трибуна. Многие исследователи справедливо подчеркивают, что послать часть флота в далекое плавание мог только главнокомандующий, а никак не офицер; замечание же О. Кунца — сторонника ранней даты, что Сципион не мог отпустить Полибия во время мучительной осады, звучит, по словам К. Циглера, правдоподобно, но неубедительно²⁰.

Таким образом, у нас для предполагаемой даты остается только один год — 147 г. до н. э. Это было время, когда Сципион Эмилиан уже приступил в качестве консула к осаде Карфагена. Весной он предпринял нападение на Мегару, предместье Карфагена (App., Lvb. 117), а затем все усилия сосредоточил на организации блокады города (там же, 119—125). Нет сведений о том, что Полибий присутствовал при этих работах. На Балканах в этом году дело еще не дошло до решающих схваток, которые могли бы поглотить внимание греческого историка. Так что надо признать, что наиболее вероятной датой атлантической экспедиции Полибия является 147 г. до н. э. Дата 147 г. вполне соответствует выражению «res in Af-

¹⁸ Cuntz, ук. соч., стр. 52.

¹⁹ Schmitt, ук. соч., стр. 377.

²⁰ Ziegler, ук. соч., стб. 1455; Gsell, ук. соч., стр. 390; Pédech, La méthode..., стр. 560—561.

rica gerente», как его ни переводить: «во время ведения войны в Африке» или «во время начальствования войсками в Африке».

Если, как мы видели, у современных историков есть серьезные разногласия о маршруте и времени путешествия Полибия вдоль атлантических берегов Африки, то почти все согласны относительно цели этого путешествия. Его обычно признают чисто научным. Если в XIX в. М. Вивьен де Сен-Мартен говорил о серьезных интересах политики и торговли, на которые обращал внимание Полибий, и о том, что его экспедиция была отправлена с целью проверить, что было обоснованного в рассказах о числе и значении карфагенских поселений на океанском берегу²¹, то в нашем столетии только Р. Карпентер пишет, не уточняя своего мнения, что римляне послали флот, движимые политическими и экономическими интересами в бывшей колониальной империи Карфагена²². Судя по контексту, американский ученый также думал прежде всего о карфагенских поселениях, находящихся под угрозой захвата их «варварами». Остальные исследователи говорят о научном характере плавания Полибия. Так, в 1902 г. О. Кунц употреблял выражение «исследовательское путешествие» (Forschungsreise), через 50 лет его повторил К. Циглер (Entdeckungsfahrt), а еще 20 лет спустя — Ф. В. Уолбэнк (a voyage of exploration)²³. П. Педеш даже специально отмечает: «Посещая эти плохо известные районы, Полибий не предполагал никакой другой цели, кроме научной. Факт довольно редкий в древности, чтобы его не подчеркнуть»²⁴. Иногда встречается незначительное отклонение или уточнение в определении цели: например, Ж. Каркопино и П. Шмитт полагали, что Сципион и Полибий стремились проверить сведения Ганнона²⁵. Интересно отметить, что историки нашего времени даже не пытаются доказать свою точку зрения, принимая ее как аксиому. Только С. Гзель попытался найти ей какие-то доказательства. Он исходил при этом из так называемого «Индекса стоиков», в котором упоминалось о путешествии Панеция с научной целью.

Считая вслед за К. Цихориусом, что Панеций участвовал в той же экспедиции, какую возглавил Полибий по поручению Сципиона Эмилиана, Гзель на этом основании утверждал, что и полибиевское плавание было именно научным²⁶. Однако этот источник дошел до нас в очень плохом состоянии, он требует различных дополнений и допускает разные интерпретации. Как отмечает М. Поленц, речь в нем идет скорее о событии, связанном с юностью философа, а дополнения и интерпретация, предложенные Хиллером фон Герtringером, вообще исключают путешествие ради приобретения знаний²⁷. Как нам кажется, в интересующем нас вопросе нельзя основываться на столь сомнительном тексте, тем более что говорится в нем все-таки о Панеции, а не о Полибии.

Конечно, нельзя считать, что Сципион и Полибий совершенно не думали о познавательном значении такого плавания. Известно, что Полибий использовал свои географические знания для более точного описания мест тех событий, о которых писал в «Истории», что он подчеркивал значение своих исследований именно для расширения знаний современников (III, 59, 6—8). Известна и любознательность Сципиона Эмилиана. Однако

²¹ Vivien de Saint-Martin, ук. соч., стр. 102.

²² Carpenter, ук. соч., стр. 102.

²³ Kuntz, ук. соч., стр. 52; Ziegler, ук. соч., стб. 1455; Walbank, Polybius, стр. 11.

²⁴ Pédech, La méthode..., стр. 551.

²⁵ Carcopino, ук. соч., стр. 160; Schmitt, ук. соч., стр. 377.

²⁶ Gsell, ук. соч., стр. 390. Правда, С. Гзель писал, что попутно Полибий мог выполнять и дипломатическую миссию и разузнать кое-что о карфагенских колониях. Его последователи, об этой задаче даже не упоминают.

²⁷ M. Rohlenz, Panaitius, RE, Hlbd. 36, 1949, стб. 422, 440.

трудно и даже невозможно себе представить, чтобы в 147 г. до н. э., когда еще не завершилась III Пуническая война и не решены были дела на Балканах, римский консул мог отправить в далекое плавание часть своего флота лишь для удовлетворения собственного любопытства и научных интересов своего греческого друга. Надо думать, что у Сципиона все-таки были весьма важные материальные интересы, ради которых он и послал Полибия в путешествие. Хронологическое совпадение с войной против Карфагена, почти полное совпадение с разрушением этого города и Коринфа заставляет задуматься и подсказывает цели римского главнокомандующего. Думают, что гибель этих двух городов была делом римского всадничества и явилась уничтожением торговых конкурентов Рима²⁸. На западе конкурентом Рима мог быть только Гадес. Переход Гадеса под власть Рима не изменил его экономического положения. По-прежнему, он оставался крупнейшим торговым центром на западной окраине тогдашнего мира. Сохранялись и его тесные связи с Северо-Западной Африкой, и особенно с ее атлантическим побережьем. Установление этих связей относится к весьма отдаленным временам. Лучшим их доказательством для периода, предшествующего карфагенскому завоеванию, является распространение так называемой красной керамики, которая довольно быстро исчезает в Карфагене, но долго сохраняется в Гадесе и близких к нему городах. Эта керамика встречается во всех могильниках района Тингиса (совр. Танжер), датированных VIII—V вв. до н. э., всего более в VI в.²⁹ У залива, расположенного южнее Ликса и носившего красноречивое греческое название Эмпорик, финикийцы основали ряд торговых поселений (Strabo, XVII, 3, 2). Значительным центром финикийской торговли в этих районах был остров Керна, как об этом говорит Псевдо-Скилак (112). Как уже упоминалось, Керну отождествляют с Могадором, где раскопки дали следы финикийского поселения и активной торговли (керамика, остатки жилищ и предметов культа)³⁰. Правда, около 500 г. до н. э. финикийцы покидают Могадор³¹, что, видимо, связано с карфагенской экспансией и подчинением Гадеса Карфагену: недаром Ганнон пытался основать карфагенскую факторию на Керне (Peripl. Nannoni 8). После крушения карфагенской мощи гадитане вновь осваиваются здесь, как свидетельствуют монетные находки³². По словам Страбона (III, 5, 3), в римское время гадитане снаряжали огромные морские суда. Из Гадеса, как сообщает Плиний (II, 167—168), отправились мореходы в плавание вдоль мавританского побережья. По словам Плиния (II, 169, со ссылкой на Целия Антипатра, анналиста II в. до н. э.), еще раньше плавали с торговыми целями из Испании в Эфиопию. По-видимому, речь идет о Западной Эфиопии, т. е. о западном побережье Африки³³. Страбон (II, 3, 4) рассказывает, что до реки Ликс доходили рыболовные суда, сравнительно увлеченный далеко на юг, обогнув Африку, разбился уже на восточном ее побережье. Правда, эти сведения о столь далеких экспедициях пока не поддаются проверке (и сам Страбон не верит своему сообщению), но в них явно отразились впечатления о далеких морских экспедициях гадитан-

²⁸ С. И. Ковалев, История Рима, Л., 1948, стр. 290; Th. Lenschau, Korinthos, RE, SpBd. 4, 1924, стб. 1033.

²⁹ М. P o n s i c h, Nécropoles phéniciennes de la région de Tanger, Rabat, 1967, стр. 17—24; он же. Recherches archéologiques à Tanger et sa région, P., 1970, стр. 105—130; 163—164; 166—168.

³⁰ A. J o d i n, Mogador, Tanger, 1966.

³¹ C. and G. C h a r l e s - P i c a r d, The Life and Death of Carthage, L., 1968, стр. 92—95.

³² J o d i n, Les établissements..., стр. 239—240.

³³ A. G a r c i a y B e l l i d o, La España del Siglo I de nuestra era, Buenos Aires—Mexico, 1947, стр. 205, прим. 10.

ских купцов. Главным товаром, какой получали на этих берегах гадитане, было золото Гвинеи и Судана, которое караванными тропами африканцы везли на океанское побережье³⁴.

Можно думать, что именно стремление захватить или по крайней мере разведать гадитанские рынки золота и было целью римлян, отправивших Полибия в его далекое путешествие. И аналогию представляют события на северных рынках, откуда Гадес получал олово — товар, также весьма ценный в древности.

Страбон (III, 5, 11) пишет, что раньше только гадитане знали путь к Касситеридам, под которыми географ явно подразумевает северо-западное побережье Испании, район Галлеции (совр. Галисии). Подтверждением связей финикийцев с этими землями могут служить находки в поселениях подвесок, серег, ожерелий, обручей для волос финикийского типа, а также камня с остатками (всего три буквы) финикийской надписи III в. до н. э.³⁵ Страбон далее рассказывает, что римляне стали преследовать гадитанский корабль, туда направлявшийся, чтобы самим узнать местонахождение этих рынков, но гадитанский навклер предпочел посадить свое судно на мель, погубив тем самым и преследователей, за что позже и получил от гадитанских властей полное возмещение. Это событие, конечно, предшествует 95 году до н. э., когда Красс открыл морской путь к Касситеридам (там же)³⁶. Произошло оно явно после II Пунической войны. Точнее установить его время нельзя. Рассказ Страбона нам интересен сейчас именно как доказательство стремления римлян найти места, откуда гадитане получали ценные металлы. Вероятно, тем же стремлением объясняются и походы римских полководцев в направлении Северо-Западной Испании. В 140 г. Цепион, а в 138/37 Брут, не завершив покорения Лузитании и не думая приходить на помощь армии, занятой осадой Нуманции, упорно рвались в Галлецию (App., Hisp. 70, 74—75)³⁷. Страбон отмечает, что успешной миссии Красса предшествовали неоднократные попытки римлян морем добраться до таинственных Касситерид. Среди этих попыток было, возможно, и какое-то плавание Полибия, ибо историк писал (III, 59, 7), что он плывал во внешних морях, граничащих не только с Ливией, но и с Иберией³⁸.

Все эти события, связанные с северными рынками гадитан, убеждают нас, что и путешествие в южном направлении преследовало ту же цель: найти, откуда финикийцы получают драгоценный металл. В связи с этим обращает на себя внимание то, что Полибий, несомненно, доплыл, как мы уже говорили, до Керны, одного из эмпориев, ведших торговлю с африканцами. Римляне не могли просто уничтожить Гадес, как они сделали с Карфагеном и Коринфом, так как им нужно было не столько ликвидировать гадитанскую торговлю, сколько узнать пути к местам торговли или залежам золота и олова. Выполнение части этой задачи и было возложено на Полибия.

Таким образом, путешествие Полибия вдоль океанского берега Африки предстает перед нами не только и не столько как момент из истории гео-

³⁴ С. et G. Charles-Picard, ук. соч., стр. 92. Ж. Каркопино (ук. соч., стр. 105—119) считал, что центром торговли золотом была именно Керна.

³⁵ J. M. Blázquez, *Relaciones entre Hispania y los Semitas en la Antigüedad*, «Beiträge zu Alten Geschichte und deren Nachleben», В., 1969, стр. 66.

³⁶ О дате открытия Красса см. Хенниг, ук. соч., стр. 290.

³⁷ Cuntz, ук. соч., стр. 35—36; C. Torres Rodríquez, *Conquista de Galicia por los romanos ante de las guerris cántabras*, Santiago de Compostela, [6/г] стр. 7—20.

³⁸ Ф. У. Уолбэнк (*The Geography*, стр. 160) думает, что Полибий во время одного путешествия плывал вдоль берегов Африки и Испании, но это не доказано. Плиний говорит только об африканском путешествии.

графических открытий и путешествий древности, сколько как эпизод борьбы за установление римского политического и экономического (в данном случае речь идет о последнем) господства Рима в средиземноморском мире и окружающих районах.

Надо сказать, что большого успеха предприятие Сципиона и Полибия все же не имело. Если говорить о чисто научной стороне этого дела, то Полибий в лучшем случае повторил плавания Эвтимена и Ганнона, но скорее всего проплыл гораздо меньшее расстояние, чем эти мореплаватели, по крайней мере Ганнон³⁹. Если же Полибию и удалось узнать, где гадитане приобретали золото, то все равно в этих районах еще долго первенствовали гадитанские купцы. Так, на территории современного Марокко из почти 200 найденных монет времени, предшествующего римской аннексии, около сотни гадитанских, а римских только 40. В небольшом городке Тамузе было обнаружено две монеты Рима и 25 Гадеса⁴⁰. Недаром, как говорит Страбон (II, 3, 4), именно Гадес был выбран Эвдоксом в качестве базы для предполагаемого плавания вокруг Африки (между 112 и 105 гг. до н. э.)⁴¹.

Несмотря на такой полууспех, путешествие Полибия представляется очень интересным как для биографии самого историка, так и для истории средиземноморского мира в середине и второй половине II в. до н. э., когда Рим укреплял свою гегемонию в этом мире.

Ю. Б. Циркин

POLYBIUS'S VOYAGE ALONG THE ATLANTIC COAST OF AFRICA

Yu. B. Tsirkin

The exact route of the voyage cannot be determined, but Polybius got at least as far as the island of Cerne, which can apparently be identified with modern Mogador. The voyage took place in 147 B. C. Its purpose was to find the West African markets from which Gades got its gold, and possibly also to seize them. There is no need to deny the scientific character of the expedition. But it should be regarded first of all as an episode in the history of the Roman effort to achieve political and economic domination in the Mediterranean and contiguous areas.

³⁹ Упоминание о Колеснице богов, если даже оно происходит из произведения Полибия, а не Агриппы, справедливо считается только литературной реминисценцией (Хенниг, ук. соч., стр. 262).

⁴⁰ M. Euzenat, *Héritage punique et influences greco-romaines* [au Maroc, «VII Congrès international d'archéologie classique», P., 1965, стр. 273.

⁴¹ Хенниг, ук. соч., стр. 280.